

Памятники современной России

После краха СССР право выбора тех, кому следовало поставить памятники, было передано региональным властям, которые стараются, насколько возможно, сохранить свою «самость», не вступая при этом в конфликт с Центром

Алексей Макаркин

Возведение памятников всегда было политическим делом. Фараоны Древнего Египта и короли Западной Европы стремились запечатлеть в монументальных формах свое могущество. Для России репрезентация посредством памятников стала актуальной после того, как Петр I, открыв окно в Европу, воспринял европейскую культурную традицию¹. В допетровской Руси в соответствии с православной традицией в честь исторических событий и в память знаменитых людей возводили храмы и монастыри.

В истории России памятники традиционно были частью «монументальной пропаганды», принципы которой определялись из единого центра. Власти как Российской империи, так и Советского Союза были заинтересованы в утверждении собственного взгляда на отечественную историю, в продвижении исторических образов, которые могли послужить делу укрепления целостности страны. В новой России ситуация заметно изменилась — доминирование государства как определяющей и централизующей силы в вопросах «монументальной пропаганды» ушло в прошлое. В ряде случаев памятники Ленину и его соратникам были демонтированы, но по большей части остаются на своих местах. Однако их символическая функция стала принципиально иной: эти памятники превратились для одной части общества в

привычные, потерявшие смысл «истуканы», а для другой — в символ прошлого, вызывающего ностальгию (характерны, например, регулярные возложения цветов коммунистическими организациями к монументам Ленину). Сохранилась высокая значимость военных мемориалов, хотя и здесь не обошлось без перемен. В 1990-е годы многие такие памятники обветшали, вечные огни при них погасли из-за кризиса, но в последнее десятилетие внимание к ним заметно возросло. Военные памятники стали частью нового официального синтеза, попытки интегрировать различные ценности как досоветского, так и советского времени.

Что касается возведения новых памятников, то на решение этого вопроса значительно большее влияние, чем раньше, оказывают тенденции на местах, а выбор претендентов на увековечение стал существенно шире (это касается как государственных деятелей, так и людей культуры). В отсутствие монополии государства начала проявляться общественная инициатива, когда памятники ставятся необычным для отечественной традиции персонажам, в том числе героям литературных произведений.

Памятники и партикуляризм

Поиск общих ценностей, призванных укрепить единство государства, приводил в дореволюционное и советское время к тиражирова-

нию памятников, будь то бюсты Александра II, освободившего крестьян (благодарные сельские жители были основными жертвотелями на эти скромные скульптуры), или статуи Ленина, образ которого подвергся целенаправленной идеализации в советское время. Империя устанавливала строгие правила в столь деликатной сфере, как создание памятников; ведь персонажи, запечатленные в них, должны были служить образцами для населения. Однако нельзя не заметить и противоположную тенденцию, которую можно назвать партикуляристской. Местные элиты

вавому погрому (справедливости ради отмечу, что его правление стало предметом жесткой критики еще Николая Карамзина, чья «История государства Российского» получила официальное одобрение). Напомню и то, что на этом памятнике изображен тверской князь Михаил Ярославич, в течение многих лет противостоявший Москве. Правда, его присутствие более понятно: за мученическую гибель в Золотой Орде православная церковь причислила его к лику святых. В то же время попытка автора памятника Михаила Микешина поместить на нем фигуру Тараса

“Проблема «украинства» в царской России была одной из самых болезненных: власти то жестко подавляли его проявления, то шли на некоторые компромиссы”.

всегда заинтересованы в продвижении образов «своих», локальных героев, которые либо недооцениваются на центральном уровне, либо вызывают там неприятие. Отношение к партикуляризму как в имперской, так и советской России не было жестко единообразным.

Для имперской политики было характерно идти на отдельные уступки местным влияниям, казавшимся властям неопасными, и блокировать более проблемные, таящие в себе риски — с их точки зрения — тенденции. В имперский период российской истории партикуляристские тенденции подвергались ограничениям, но не исчезали полностью. Можно привести пример, когда власти пошли им навстречу. Характерно, что это произошло во времена либеральных реформ Александра II. Тогда на памятнике Тысячелетию Руси, воздвигнутом в Новгороде в 1862-м, было помещено изображение Марфы Борецкой — непримиримой противницы московского великого князя Ивана III, которого официальная историография считала собирателем Руси. В то же время на нем не нашлось места Ивану Грозному, подвергшему Новгород кро-

Шевченко была отклонена лично царем² — из-за участия поэта в украинском национальном движении, которое подверглось преследованию в царствование Николая I.

Проблема «украинства» в царской России была одной из самых болезненных: власти то жестко подавляли его проявления (идентифицируя украинскую идею с сепаратистским «мазепинством»), то шли на некоторые компромиссы. Единственным гетманом, удостоившимся памятника, оказался Богдан Хмельницкий, который имел репутацию инициатора объединения Руси и Малороссии, — соответственно, его образ вписывался в официально одобренную «малороссийскую» идею, признававшую культурное своеобразие украинских земель, но только в составе объединенной «Великой, Малой и Белой Руси». В свою очередь, Шевченко был кумиром борцов за самостоятельность Украины (пусть и на правах автономии), что делало его фигуру неприемлемой для сторонников жесткой централизации. Поэтому первый памятник Шевченко на территории Российской империи появился в городской усадьбе известной общественной

деятельницы Христины Алчевской в Харькове. Это был частный проект, не то что не поддержанный государством, а негативно им воспринятый (спустя два года под давлением властей памятник «сепаратисту» пришлось снять).

Тем не менее развитие «украинских» тенденций продолжалось, и накануне Первой мировой войны прошло четыре конкурса на лучший проект памятника Шевченко в Киеве. Власти запретили официально праздновать столетие со дня рождения поэта. В советское время получило распространение мнение, что царское правительство наложило запрет на возведение памятника Шевченко. На деле все обстояло сложнее. Главными противниками этого начинания были не царские чиновники, а общественные деятели — сторонники русской национальной идеологии, которые видели в прославлении Шевченко недопустимую уступку «мазепинцам». Показательно, что российский Сенат в 1913 году признал право на существование комитета, созданного киевской городской думой для сооружения памятника, отклонив требование киевского генерал-губернатора о его закрытии (в свою очередь, генерал-губернатор действовал под давлением активистов правых организаций, бывших главной опорой правительства в Киеве). Министерство внутренних дел разрешило сбор средств на памятник, хотя местные власти в ряде случаев и препятствовали такой деятельности общественников. Вопрос о возведении памятника не был решен до начала войны из-за того, что комитету никак не удавалось прийти к согласованному решению. Только в мае 1914 года комитет проголосовал за проект итальянского скульптора Антонио Шюртино, что полностью разошлось с мнением профессионального жюри, отдавшего предпочтение двум другим проектам. Вопрос был поставлен на рассмотрение киевской городской думы, которая утвердила мнение комитета, но дальнейшие действия были отложены в связи с начавшейся войной³.

В то же время история с памятником другому выдающемуся поэту, Адаму Мицкевичу, не столь драматична. Российские власти к концу XIX века, то есть без малого через пятьдесят лет после смерти этого польского патриота, не считали, что он представляет опасность для империи. В 1898-м с санкции Николая II был открыт памятник Мицкевичу в Варшаве. В связи с этим в польском обществе получила распространение характерная байка, отражающая поиски компромисса между централизмом и партикуляризмом. Поставить памятник Мицкевичу было разрешено при условии, что он будет на голову ниже находившегося неподалеку монумента русскому фельдмаршалу Ивану Паскевичу, крайне непопулярному в польском обществе символу российского централизма. Однако если в проекте это условие и присутствовало, то в реальности именно Мицкевич оказался выше Паскевича на голову.

В советское время вопрос о возведении памятников подлежал утверждению в Москве, не только препятствовавшей партикуляристским поползновениям, но и стремившейся переосмыслить их в собственных интересах. Тот же Шевченко становился не «сепаратистом», а борцом против царизма, соратником русских революционеров. То же самое относилось и к ряду других региональных деятелей. Поэтому советский подход можно охарактеризовать как попытку сознательной адаптации к неизбежному партикуляризму.

«Монументальный партикуляризм» новой России

После краха СССР ситуация принципиально изменилась: право выбора тех, кому следовало поставить памятники, было передано региональным властям. Последние стараются, насколько это возможно, сохранить свою «самость», не вступая при этом в конфликт с Центром.

Ярким примером может служить Рязань, в которой в 2005–2007 годах, в губернаторство

бывшего командующего Воздушно-десантными войсками генерала Георгия Шпака было возведено сразу три конных памятника. Два персонажа — святой Георгий Победоносец и легендарный рязанский полководец Евпатий Коловрат — теоретически могли бы стать персонажами памятников и в имперской России (а Евпатий — и в советской, в которой описание его подвигов входило в школьную программу). Третий герой выглядит шокирующе для людей, воспринявших советскую версию истории. Речь идет о князе Олеге Рязанском, фигурировавшем в популярной исторической литературе в роли «предателя» и союзника хана Мамая перед Куликовской битвой.

Впрочем, такая точка зрения не была единственной. В частности, деятельность этого известного рязанского правителя высоко оценивал дореволюционный историк Дмитрий Иловайский⁴, а местный митрополит Симон уже в конце XX века безуспешно пытался добиться причисления Олега к лику святых. Несмотря на неудачу канонизации, князь широко почитается в области как подвижник веры и благочестия⁵. На исторических гербах Рязани и Рязанской области изображен князь, прототипом которого считается Олег. Одно из наиболее значительных зданий Рязанского кремля именуется «дворцом Олега», хотя построено оно существенно позднее его княжения. В наши дни в Рязани стремятся подчеркнуть те черты биографии знаменитого земляка, которые не выглядят конфронтационными по отношению к Москве: совместное участие московских и рязанских войск в битве на Воже (1378), отказ Олега присоединиться к Мамаю перед Куликовской битвой, его тайное содействие московскому князю Дмитрию Донскому. Церковные епархиальные власти обращают внимание на личное благочестие князя и принятие им монашества, а затем и схимы.

Впрочем, в абсолютном большинстве случаев основатели городов и другие «знатные

земляки» совместимы с общегосударственной идеологией — региональная «самость» ей не противоречит. Это относится даже к Твери, где в 2008-м был установлен памятник князю Михаилу Ярославичу, непримиримому сопернику Москвы в борьбе за главенство на Руси (правда, он был канонизирован церковью еще в Средневековье, а его изображение присутствует на микешинском памятнике в Новгороде). Характерно, что на тверском монументе князь изображен на коне, что подчеркивает его воинские заслуги, а не мученическую смерть. Местные краеведы обращают внимание на сражение князя Михаила с войском московского князя Юрия Даниловича и ратью ордынца Кавгадыя в декабре 1317 года под селением Бортенево в сорока верстах от Твери. В этом бою тверичи одержали победу, что и повлекло за собой спустя непродолжительное время гибель князя, которому монгольский хан не простил такой самостоятельности. Впрочем, в Твери есть и «церковный» памятник Михаилу Тверскому — новопостроенный храм в его честь.

В других случаях памятники посвящены историческим фигурам, в чьей деятельности антимосковской направленности не было по той простой причине, что при их жизни Москва либо вообще не существовала, либо не была еще центром самостоятельного княжества. В Ярославле установлен памятник Ярославу Мудрому, во Владимире — князю Владимиру и епископу Феодору, в Муроме — Илье Муромцу, в Пскове — княгине Ольге. Основатель Москвы Юрий Долгорукий является персонажем памятников, воздвигнутых в Костроме и Дмитрове. Всегда лояльный Москве двоюродный брат Дмитрия Донского Владимир Храбрый — персонаж монумента, поставленного в Серпухове, городе, где он княжил. В свою очередь, памятник Дмитрию сооружен в Коломне, что связано не столько с принадлежностью этого города к Московскому княжеству, сколько с тем, что именно здесь

собиралось русское войско перед Куликовской битвой. Есть целая серия «воеводских» памятников, установленных княжеским и царским администраторам, основывавшим новые города, — Алексею Шеину в Тамбове, Андрею Дубенскому в Красноярске, Богдану Хитрову в Ульяновске, князю Григорию Засекину в Самаре и др. (единственным конфликтным среди них является памятник воеводе Михаилу Нагому в Уфе, но о нем речь пойдет ниже).

В Хабаровске восстановлен возведенный еще в имперские времена памятник графу Николаю Муравьеву-Амурскому, кото-

в Угличе давно ведутся споры о целесообразности возведения памятника князю Андрею, этот проект был реализован, — правда, не в городе, а в одном из окрестных сёл — силами общественности (что не требует участия профессионального скульптора и большого количества согласований). Импровизированный памятник является частью краеведческого комплекса, в состав которого входят также шестиметровый памятный крест, церковь Святого Кассиана, краеведческий музей.

Героем ряда памятников является Александр Невский, названный в 2009-м

“Основатели городов и другие «знатные земляки», как правило, совместимы с общегосударственной идеологией — региональная «самость» ей не противоречит”.

рый был снесен в годы советской власти. В Саратовской области бывший губернатор Дмитрий Аяцков активно пропагандировал образ своего далекого предшественника Петра Столыпина (возглавившего Саратовскую губернию до переезда в Петербург в 1903—1906 годах). В результате село Калинино, в котором находилось имение отца Столыпина (и где, кстати, прошло детство Аяцкова), в 1996-м было переименовано в Столыпино, а на его территории поставлен памятник бывшему премьеру. А спустя шесть лет значительно более масштабный столыпинский монумент был воздвигнут в Саратове.

Как правило, памятники устанавливаются в городах, хотя бывают и исключения. Яркий пример — памятник князю Андрею Большому Угличскому (брату великого князя Ивана III), воздвигнутый в ярославском селе Учма в 2008 году. В его основу была положена полуразрушенная голова неизвестной скульптуры, которая была восстановлена и дополнена местным краеведом Василием Смирновым. В частности, был изваян шлем, придавший бюсту княжеский облик. И хотя

самой популярной личностью в российской истории. Фигура князя признана частью не только местной истории (как в Переславле-Залесском, где его бюст стоит еще с советских времен), но и общенациональной. Характерно, что в последние годы памятники ему установлены как в Петербурге (напротив Александровской лавры), так и в Волгограде и Курске — городах, которые не связаны с деятельностью этого князя, зато являются городами-героями. Для этих городов Александр Невский — символ воинской доблести, преемственности поколений. Кроме того, он — почитаемый святой Русской православной церкви. Святые князья — весьма популярные персонажи памятников. Не обойдены вниманием и святые монахи, памятники которым казались немислимыми в период господства КПСС. Это Сергей Радонежский в Радонеже (возведение этого памятника общероссийскому и одновременно местному историческому герою вызвало конфликт в раннеперестроечное время, когда государство налаживало отношения с церковью, но еще не решалось отказаться от официального ате-

изма), Савве Сторожевскому в Звенигороде, Кириллу и Мефодию в Москве и др.

Важная особенность «местных историй» конца XX — начала XXI века заключена в консервативном подходе. Как правило, памятники ставятся государственным и военным деятелям, не имеющим ничего общего со «смутами». Пламенные участники народных движений, деятели большевистской партии и другие революционеры вышли из моды, их возвеличение не соответствует официальной концепции российской истории, принятой в большинстве школьных учебников. Показательное исключение — памятник знаменитому анархисту князю Петру Кропоткину в Дмитрове — подтверждает общее правило: персонаж воспринимается местным населением не как революционер, а как знатный земляк, представитель русской аристократии. Еще один подобный пример — памятники в Бронницах. Там декабристы братья Фонвизины (генерал и полковник) и Иван Пущин соседствуют с просветителем Николаем Новиковым (тоже пострадавшим от царской власти) и с еще одним земляком — вполне благонамеренным внуком Пушкина Александром Александровичем, уездным предводителем дворянства и председателем местной городской думы.

Памятник либеральному деятелю — также редкость. Можно вспомнить разве что восстановление памятника костромскому либеральному депутату III Государственной думы Василию Соколову, осуществленное организацией «Открытая Россия» в 2004 году. Но и здесь речь идет, во-первых, о реставрации дореволюционного памятника, а во-вторых, об инициативе московской организации, занимавшейся в то время установкой мемориальных досок либеральным деятелям в провинции⁶.

Современные политики редко становятся персонажами памятников, что связано с общим представлением о необходимости выдержать определенный срок для того, чтобы объективно оценить их деятельность. К тому

же среди них немало спорных фигур. Тем не менее в ряде случаев памятники современным политикам все же возводятся. Например, в Санкт-Петербурге есть памятники академику Андрею Сахарову (хотя значение его личности существенно выходит за рамки политической сферы) и бывшему мэру города Анатолию Собчаку. Причем появление последнего вписывается в общий контекст продвижения в публичном пространстве образа политического деятеля, под руководством которого работали и Владимир Путин, и Дмитрий Медведев. Также можно отметить выпуск почтовой марки к 65-летию со дня рождения Анатолия Собчака (весьма редкий случай, так как марка приурочена к «некруглой» дате), открытие мемориальной доски и создание музея российской демократии имени Собчака в Санкт-Петербурге. В данном случае можно говорить о герое «местной истории», активно продвигаемом федеральной властью. В Екатеринбурге в 2011 году планируется открыть памятник Борису Ельцину — тоже и «федеральному», и «местному» герою, в память о котором в городе названы улица и технический университет (в нем первый российский президент получил высшее образование).

«Конфликтные» памятники

Как правило, памятники ставятся людям, чья деятельность положительно оценивается большей частью общества. В принципе мемориальные монументы не должны быть поводом для конфликтов, если спор не касается их художественных достоинств. Однако этот принцип нередко нарушается из-за идеологических разногласий.

Основные конфликты в сфере монументальной пропаганды имеют место по причине различных трактовок отечественной истории XX века. Это первый тип конфликтов, который, скорее всего, со временем уйдет в прошлое — по крайней мере, сейчас острота противоречий уже заметно снижается.

Впервые жесткий конфликт такого рода возник еще в 1997-м, когда участники леворадикальной организации «Реввоенсовет» взорвали памятник Николаю II в подмосковном селе Тайнинское. Впрочем, они же пытались подорвать и другой памятник — Петру I, — что, видимо, было связано не столько с неприятием монархической идеи, сколько с негативным отношением к конкретной скульптуре Зураба Церетели. Памятник Николаю, впрочем, стал излюбленным объектом атак экстремистов. В ноябре 1998 года этот монумент был восстановлен в гипсе в Подольске, одна-

большевистская пропаганда внедряла в наше сознание уродливый, лживый, зловещий образ славного адмирала. И вот настала пора услышать и узнать нам не только то, что о нем писали ангажированные историки, но и то, что говорил и писал Александр Васильевич»⁷.

Фигура Колчака не в первый раз оказалась в центре противоречий. Характерно, что Верховный суд РФ отказал в его реабилитации, тем самым фактически подтвердив вердикт советской власти. Но в то же время острову Расторгуева в Карском море было официально возвращено имя Колчака — этим были отме-

“Основные конфликты в сфере монументальной пропаганды возникают по причине различных трактовок отечественной истории XX века”.

ко зимой того же года снова взорван. В августе 2000-го памятник в прежнем виде был открыт снова в Тайнинском и с тех пор не подвергался атакам. Леворадикальное подполье в России к тому времени резко ослабело, а члены «Реввоенсовета» получили длительные сроки лишения свободы.

В 2004-м в Иркутске был открыт памятник верховному правителю России адмиралу Александру Колчаку, расстрелянному в этом городе в 1920 году. Против установки памятника лидеру Белого движения выступили местные коммунисты, которые для обсуждения этого вопроса провели даже специальное заседание обкома КПРФ. К акции протеста присоединились иркутские анархо-синдикалисты. Городская мэрия первоначально отказывалась дать санкцию на сооружение монумента. Однако как раз в это время к борьбе вокруг памятника подключились антикоммунисты. Как написал в письме губернатору Иркутской области народный артист России Никита Михалков, открытие памятника Александру Колчаку поможет возрождению национального самосознания: «Многие десятилетия

члены его заслуги полярного исследователя. В 2001-м предполагалось установить памятный знак Колчаку в Морском корпусе имени Петра Великого в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургском военно-морском институте), в котором он учился. Однако из-за противодействия со стороны части офицеров (ощущающих себя идейными наследниками «красных командиров») это событие состоялось только через год с санкции тогдашнего главкома ВМФ Владимира Куроедова, посоветовавшегося перед этим с Патриархом Алексием II.

Вместе с тем памятник другому известному деятелю Белого движения, генералу Сергею Маркову, был безо всяких конфликтов установлен в Сальске в декабре 2003 года. Впрочем, в Ростовской области телевидением был проведен опрос граждан, чтобы выяснить реакцию на установку монумента. Большая часть опрошенных положительно отнеслась к этому проекту. В числе противников были, в большинстве своем, люди старшего возраста (но далеко не все).

Конфликты вокруг памятников могут быть связаны и с простыми межнациональными

отношениями. Это второй тип конфликтов, который вряд ли удастся полностью преодолеть в обозримом будущем. Так, 7 июля 2007 года в Уфе состоялось торжественное открытие памятника Михаилу Нагому. На постаменте было начертано: «Основателю Уфы воеводе Нагому Михаилу Александровичу от благодарных уфимцев». Как сам персонаж, так и характер надписи стали поводом для конфликта. Дело в том, что башкирский истеблишмент крайне болезненно относится к точке зрения, будто Уфа была основана воеводой Нагим в 1586 году. И дело вовсе не в том, что речь

памятник был поставлен в пригороде Уфы, у офиса фирмы, принадлежащей Швецову. Вслед за этим милиция составила протокол об административном правонарушении, выразившемся в установке памятника на месте, которое предназначалось для клумбы, и потребовала снести статую в десятидневный срок⁹. Однако исполнить это предписание так и не удалось — подобные действия могли дестабилизировать ситуацию в республике; кроме того, снос памятника московскому «государеву человеку» (пусть даже и XVI века) был бы негативно воспринят в Кремле.

“Значительная часть тверской интеллигенции возражала против установки памятника Михаилу Кругу, чье творчество было тесно связано с криминальным сообществом”.

идет о военачальнике русского царя Федора Ивановича. (Хотя председатель общественного комитета по возведению памятника предприниматель Николай Швецов не без вызова заявил на его открытии, что «наш город — исконно русский», а это вряд ли могло понравиться национальной элите⁸.) Важнее другое: в случае такой атрибуции Уфа проигрывает неформальное «соревнование» с татарстанской столицей Казанью, которая существует уже тысячу лет. Когда речь идет о национальных эмоциях, рациональные аргументы (например, заключение Института российской истории РАН о том, что Уфу так основал Нагой) вряд ли будут услышаны. По мнению большей части местной элиты, на месте Уфы 1500 лет назад стоял город Башкорт, и, следовательно, историю башкирской столицы надо вести именно с этого времени.

Не удивительно, что памятник не получил официального признания. Башкирская академия наук посчитала воеводу «всего лишь одним из строителей Уфимской крепости (кремля) на территории башкирского города X — середины XVI вв.». Вместо центра города

Другой, пожалуй, еще более известный пример подобного конфликта — памятник князю Святославу в Белгородской области, автором которого является покойный скульптор Вячеслав Клыкков, известный русский националист. В националистических кругах фигура Святослава является культовой, преимущественно благодаря его победе над Хазарией, правящая элита которой исповедовала иудаизм. Памятник, возведенный в 2005 году, представляет собой конного князя, попирающего поверженного хазарского воина, на щите которого изображена «Звезда Давида». Федерация еврейских общин России (ФЕОР) в связи с этим заявила, что «считает установку в Белгороде памятника Вячеслава Клыккова провокационной акцией, которая не только искажает историю, но и крайне негативно влияет на современность». Недоумение ФЕОР «вызывает попустительство этой провокационной акции со стороны властей Белгорода и Белгородской области»¹⁰. При этом белгородское руководство дистанцировалось от скандального памятника, заявив, что «Белгородская область — это исконно

православный регион, а потому здесь особенно бережное отношение к немногочисленным представителям традиционных религий, исповедуемых в России»¹¹. В результате был достигнут компромисс: памятник установили не в Белгороде, а в отдаленном селе Холки, а «Звезда Давида» со щита хазарина была изъята.

Третий тип конфликтов связан с претензиями к личным качествам конкретного персонажа, не имеющим отношения к историческим или национальным проблемам. Одним из наиболее популярных современных исполнителей шансона был Михаил Круг, убитый в 2002 году. Городские власти активно поддержали идею создания памятника шансонье в центре Твери. В городе развернулись активные дискуссии по поводу этого проекта: значительная часть тверской интеллигенции возражала против установки памятника артисту, творчество которого было тесно связано с криминальным сообществом (достаточно вспомнить его «культовую» песню «Владимирский централ»). Противники памятника объясняли саму идею его создания влиянием «братков». Письмо с протестом подписали известные тверские деятели культуры. В ответ на это послание Фонд творческого наследия Михаила Круга распространил письмо матери певца Зои Петровны Воробьевой: «Если Вас лично так оскорбил Михаил Круг, обойдите памятник стороной, бульвар ведь большой, но не мешайте миллионам его поклонников принести цветы»¹². С этой точкой зрения согласны многие «простые тверичи», чье мнение оказалось решающим (хотя памятник и не избежал атак вандалов).

Четвертый тип конфликтов связан не с самим персонажем, а с художественным обликом монумента. Пожалуй, самая драматическая история произошла с памятником Михаилу Булгакову в Москве, когда население центра города выступило против появления на Патриарших прудах сложной композиции скульптора Александра

Рукавишников, основную роль в которой играл бы гигантский примус с изображением сюжетов из жизни «нечистой силы». В результате памятник в усеченном виде (без примуса, но с фигурами Иешуа и кота Бегемота) решили перенести на Воробьевы горы, но и эта идея встретила неприятие местных церковных кругов, напомнивших о том, что на этом месте когда-то находилось кладбище. Скорее всего, речь шла о более глубинных мотивах — неприятии священнослужителями булгаковской трактовки образа Иисуса и ее отражения в памятнике в любой форме. В результате в 2005-м в подъезде «Булгаковского дома» на Большой Садовой был поставлен совершенно другой памятник знаменитому писателю.

Интеллигентские и народные

Традиция установки памятников деятелям культуры имеет в России длительную историю. Еще в царствование Николая I в Петербурге был возведен кладовский памятник баснописцу Ивану Крылову. На микешинском монументе в Новгороде есть немало фигур литераторов, в том числе Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, а также Николая Гоголя, изображение которого «пролоббирывал» сам скульптор Микешин. Важнейшим культурным событием последней четверти XIX столетия стало открытие опекушинского памятника Пушкину в Москве — на церемонии со знаменитой речью выступил Федор Достоевский. Впрочем, по сравнению с царями и государственными людьми деятели культуры существенно реже удостоивались памятников. Отношение к культуре «по остаточному принципу» имело место и в дореволюционное время. В этом выразался господствующий подход к «монументальной пропаганде» как средству прославления государства.

В советский период отечественной истории внимание к деятелям культуры при выбо-

ре персонажей для памятников существенно выросло. Это было связано с их включением в неформальный пантеон исторических личностей, получивших официальное признание. Показательно изменение подхода к этим персонажам: место тонкого психологизма заняло подчеркивание «трибунных» качеств литераторов, которым в планах «монументальной пропаганды» отводилась роль борцов за народное счастье. Достаточно сравнить Пушкина в исполнении Опекушина и Аникушина (известный ленинградский памятник, ставший идеологической альтерна-

он находился в ссылке, и во Владивостоке, в котором он умер в пересыльном лагере. Судьба этих монументов была непростой. Владивостокский памятник неоднократно подвергался нападениям со стороны вандалов, так что его даже пришлось перенести во двор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. В Москве открытие мемориала из-за разногласий с чиновниками по техническим вопросам переносилось четырежды. Но самая экзотическая история произошла в Воронеже: в городе началась кампания против возведения памятника поэту,

“Советских кумиров потеснили прежде гонимые либо официально не признанные деятели культуры. Речь идет как об «интеллигентских», так и о «народных» авторах”.

тивной «пессимистическому» московскому) или два памятника Гоголю в Москве. Разумеется, круг деятелей искусств, ставших персонажами памятников в советское время, существенно расширился за счет деятелей искусств, придерживавшихся левых политических взглядов.

В постсоветский период интерес к деятелям культуры как персонажам памятников сохранился, но существенно изменил свой вектор (например, в Москве и Петербурге установлены памятники Федору Достоевскому, в советское время официально признанному, но находившемуся «под сомнением» как противник революции). Советских кумиров потеснили прежде гонимые либо официально не признававшиеся писатели и другие деятели культуры. При этом речь идет как об «интеллигентских», так и о «народных» авторах.

В различных регионах России установлены четыре памятника Осипу Мандельштаму: в Москве, во дворе дома, где жил его брат (и нередко останавливался сам Осип Эмильевич), в Петербурге — там поэт провел большую часть жизни, в Воронеже, где

мотивированная необходимостью сохранить в центре города киоск, торгующий «Чистой водой». В защиту киоска выступил комитет по охране окружающей среды, в газетах стали появляться статьи о том, как центр Воронежа остался без «Чистой воды», причем со ссылкой на мнение населения. Похоже, что диссонанс в этом случае вызвал характер памятника, не соответствующий привычному с советских времен представлению о реалистическом монументе, посвященном поэту-«трибуну» (мандельштамовский памятник по своей концепции прямо ему противоположен)¹³. Возможно, однако, что дело не только в этом: сама фигура Мандельштама мало соответствует представлению о «герое» памятника, бытующему как в обществе (отсюда и владивостокский вандализм), так и во власти. Не удивительно, что все памятники Мандельштаму — это результат инициативы его поклонников из числа интеллигенции, объединенных в Мандельштамовское общество, которым пришлось преодолевать бюрократические препоны и прохладное отношение населения. В Москве памятник был открыт на средства

ценителей творчества поэта, хотя столичный комитет по культуре первоначально возражал против его установки¹⁴.

Другие поэты Серебряного века также являются персонажами современных памятников. Марине Цветаевой посвящены памятники в Москве, Тарусе и Елабуге (где трагически оборвалась ее жизнь), Анне Ахматовой — в Москве и Петербурге (в последнем аж четыре). Необычен памятник трем членам одной знаменитой семьи, воздвигнутый в Бежецке, — Льву Гумилеву, Николаю Гумилеву и Анне Ахматовой. Преемнику авторов Серебряного века — Булату Окуджаве — установлен памятник в Москве, на его любимом Арбате. На этот раз, в отличие от случая с Мандельштамом, при активной поддержке столичных властей (видимо, потому, что речь идет о персоне, укорененной в Москве и известной значительной части горожан).

Однако еще более популярным персонажем для россиян является Владимир Высоцкий. Он, пожалуй, занимает первое место по количеству памятников, установленных ему в различных городах России, а также в украинских Мелитополе и Мариуполе (там он представлен в образе Глеба Жеглова) и даже в Черногории, которую облюбовали курортники-россияне. Памятники Высоцкому есть в Москве (два монумента — на Страстном бульваре и на Красной Пресне), Воронеже, Новосибирске, Калининграде, Самаре, Барнауле. В Екатеринбурге установлен монумент Высоцкому и Марине Влади. Речь идет о ярко выраженном народном герое, создание памятников которому позитивно воспринимается общественным мнением.

В то же время продолжают ставить памятники и литературным деятелям, «канонизированным» в советское время. Характерный пример — памятники Михаилу Шолохову, установленные в Москве (один — на Гоголевском бульваре, другой — на пересече-

нии Волгоградского проспекта и Волжского бульвара), в Вёшках — на родине писателя, и в Ростове-на-Дону. В двух последних случаях речь идет о ярко выраженном «местном герое».

Буйство фантазии

В современной России есть еще один тип памятников, который был невозможен при советской власти, — это памятники, поставленные по инициативе общества литературным и кинематографическим героям и даже животным. Самым популярным среди них является, пожалуй, Остап Бендер — любимец «новых русских» начала 1990-х. Памятники ему стоят в Петербурге, Екатеринбурге (где он изображен вместе с Кисой Воробьяниновым), Пятигорске (городе, в котором «великий комбинатор» собирал средства «на ремонт провала») и Элисте, ставшей «шахматной столицей мира» (в связи с чем возникла ассоциация с Нью-Васюками из «Двенадцати стульев»). В Петербурге установлен памятник Носу майора Ковалева из произведения Гоголя и тургеневской «Муму». В Воронеже есть памятник собаке Белый Бим Черное Ухо из одноименной повести Троепольского. В Москве, на улице Советской Армии, сооружен монумент булгаковским героям Коровьеву и коту Бегемоту (в отличие от Иешуа, они протестов, кажется, не вызывают). Похоже, ограничителями в выборе сюжетов для памятников выступают только фантазия их создателей и средства, которыми они располагают¹⁵.

Своего рода гибрид монумента писателю и герою представляет собой необычный московский памятник Венедикту Ерофееву в образе персонажа его поэмы «Москва — Петушки». Памятник открыт в 2000 году на месте, где герой поэмы «выпил стакан кориандровой»; композицию составляют фигуры Венечки с чемоданчиком и его возлюбленной. Характерно для современных российских реалий, что у памятника появился спонсор — вряд ли государственные власти решились бы

поддержать столь необычный проект. Отливку памятника финансировал ликёро-водочный завод «Кристалл», а его открытие стало частью фестиваля в честь 500-летия русской водки.

Единственным общедоступным памятником животному в России, установленным в советское время, считался памятник «Научным экспериментам» в саду Института экспериментальной медицины в Петербурге — он был открыт в 1935-м и представляет собой статую подопытной «собаки Павлова»¹⁶.

В этом же ряду находится и современный памятник Кошке, поставленный в 2003 году по инициативе питерских университетских физиков. Таким образом, люди отдают дань не столько домашним «четвероногим», как таковым, сколько их полезной функции подопытных животных, эксперименты над которыми часто заканчиваются для «братьев наших меньших» трагически. Новый подход к памятникам животным подчеркивает самоценность этих персонажей, что лишает их утилитарного характера. В Петербурге стоит небольшой памятник Бродячей собаке Гаврюше (другое название — «доброй собаке»), в Москве на станции метро «Менделеевская» поставлена скульптура «Сочувствие», изображающая без-

домную собаку. Ее прототип был жестоко убит на этом месте: эта драматическая история вызвала возмущение столичной общественности. В Петербурге на Малой Садовой установлены небольшие скульптуры кота Елисея и кошки Василисы. В Тольятти сооружен «Памятник преданности» — собаке, в течение многих лет ждавшей своих погибших хозяев на одном и том же месте в любую погоду.

Кризис замедлил создание новых памятников — на них часто не хватает денег в бюджетах субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Новые проекты появляются реже и мотивируются ярко выраженными политическими аргументами. Так, в 2009-м стало известно о планах возведения в Москве памятника грузинам, погибшим в Великой Отечественной войне, по аналогии с монументом, разрушенным в современном Кутаиси при ненавидимом российскими властями Михаиле Саакашвили. Однако есть все основания полагать, что по окончании кризиса строительство памятников как средства продвижения общенациональных идей, «региональных историй» и самовыражения создателей тотчас возобновится. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ О российских памятниках имперского периода подробно см.: Сокол К.Г. Монументы империи. М., 1999.

² Добровольский О.А. Микешин. М., 2003. С.188.

³ Подборку документов по этому вопросу см.: litopys.org.ua/shevchenko/epis11.htm

⁴ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 2009. С. 163–205.

⁵ Евсин И.В. Митрополит Симон: Жизнеописание, воспоминания. Рязань, 2008. С. 99–100.

⁶ Подробнее см.: *Наше либеральное наследие*. Вып. 1. М., 2004.

⁷ www.ng.ru/regions/2004-11-22/13_irkutsk.html

⁸ www.eparhia-ufa.ru/?hist/nag

⁹ Власть. № 28 (732). 23.07.2007.

¹⁰ www.regnum.ru/news/547554.html

¹¹ www.regions.ru/news/1931859

¹² www.karavan.tver.ru/html/n674/article4.php3

¹³ www.novayagazeta.ru/data/2008/58/30.html

¹⁴ www.newsland.ru/News/Detail/id/289499

(характерно название статьи: «Неподходящий монумент»).

¹⁵ Отношение специалистов по истории памятников к подобным опытам нередко является негативным: они считают, что во многих случаях речь идет о произведениях декоративно-прикладного искусства, а не о полноценных памятниках. См.: Исаченко В.Г. Памятники Санкт-Петербурга: Справочник. СПб, 2004. С. 389.

¹⁶ Там же. С. 177–179.